

А.Н.Алексеевко

ЭТНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАЗАХСТАНА

Ключевые слова: Казахстан, цивилизационный выбор, модернизация, урбанизация, традиционные ценности, городское пространство

В советское время сложилось довольно устойчивое представление о Казахстане как о регионе с индустриально-аграрной экономикой и европеизированным населением. Республика воспринималась почти как европейское пространство. Во всяком случае ни на официальном, ни на бытовом уровне Казахстан не ассоциировался со Средней Азией. Но этот имидж во многом отражал не «титულную», а именно «советскую» суть, поддержание которой после обретения независимости не предполагалось. В ходе поиска суверенной цивилизационной идентичности обозначились по меньшей мере два варианта дальнейшего развития — «европейский» (ускорение модернизации и индустриализации, принятие европейских демократических норм) и «традиционный» (отрицание евроцентризма, возрождение обычаев и практик казахского народа). При этом большинство титульного населения осмысляло суверенитет именно в этнополитическом ключе, воспринимая «европейский» путь как нечто чуждое, от чего незамедлительно следовало избавляться.

Подобная реакция во многом объяснялась этническими перекосами в социальной структуре Казахстана, доставшимися ему в наследство от союзного прошлого. К началу 90-х годов XX в. казахи в основном все еще проживали в сельской местности, оставаясь на периферии ключевых социально-политических процессов. Как следствие, важнейшей целью суверенного государства стало создание в короткие сроки урбанизированной казахской нации. Но решение этой задачи неизбежно вело к массивному проникновению в города, где изначально доминировали «проевропейские» установки, традиционных воззрений вчерашних сельских жителей.

В начале XXI в. президент РК Н.Назарбаев предпринял попытку найти золотую середину между двумя разнонаправленными цивилизационными устремлениями, выдвинув лозунг модернизации казахстанского общества при опоре на национальную специфику и исторический опыт. Отметив, что «на повестке дня — модернизация страны, „встраивание“ на приемлемых для нас условиях в мировую экономику», он вместе с тем указал на необходимость учета исторических корней, традиций народа: «Опора на национальную специфику и исторический

опыт прибавляет... обществам устойчивости и придает внутреннюю логику их развитию. Точно так же и Казахстан стремится идти своим путем, используя свои преимущества и исправляя доставшиеся от прошлого „перекося“¹.

¹ Назарбаев
[Nazarbaev] 2002.

Гипотетическое постиндустриальное будущее РК зиждется на «европейской» социально-экономической основе, заложенной еще в советский период. Национальную же специфику ему должно придать «доколониальное» прошлое. Проблема, однако, в том, что за время пребывания территорий нынешнего Казахстана в составе России/СССР их исходное социальное, экономическое, культурное своеобразие было основательно размыто. В результате при определении «национальной специфики» на передний план выходят этнополитические эмоции, чаще всего базирующиеся на традиционной культуре автохтонов.

Альтернативные векторы развития Казахстана отражают мировоззрение социальных слоев, представления которых о будущем республики несовместимы. Как отмечает зав. отделом политологии и религиоведения Министерства образования и науки РК М.Шайкемелев, поляризация казахстанского общества зашла достаточно далеко: «Водораздел проходит не столько по национальному признаку, сколько по социальному. Одна — продвинутая часть общества, которая живет в XXI в. и ориентируется на глобализм и космополитизм. И другая, которая все еще находится под влиянием патриархальных стереотипов и форм поведения, не работающих в глобализованном мире. Пропасть между двумя частями общества медленно, но верно увеличивается»². Дискуссии о прошлом, настоящем и будущем страны приобретают все более острый характер.

² Кириница Янов
[Kirinicijanov]
2013.

В настоящей статье предпринята попытка обозначить контуры проблемы, связанной с трансформацией социально-политического пространства Казахстана и становлением новой цивилизационной идентичности, через призму мнений казахских авторов, опубликованных в русскоязычных СМИ. Выбор в пользу данной категории источников объяснялся двумя соображениями. Во-первых, точка зрения, неоднократно прозвучавшая в СМИ, в известной мере фиксирует сложившиеся общественные представления или, по крайней мере, указывает на зарождение определенных тенденций. Во-вторых, русскоязычные казахи менее ангажированы, нежели казахоязычные СМИ или русские авторы, вольно или невольно смотрящие на ситуацию с этнических позиций, и потому способны более объективно оценить изменения, происходящие в республике.

**Исторические
обоснования
«национальной
специфики»**

Наиболее явственное и отчасти даже гротескное выражение идея возрождения «национальной специфики» получила в трудах представителей «национал-популистского» направления в исторической науке суверенного Казахстана. Образуют это направление преимущественно любители, в массе своей исторического образования не имеющие.

Тем не менее их концепции и трактовки проникают в учебные пособия, тем самым влияя на формирование исторических представлений казахстанской молодежи.

Обращение к истории как проводнику идеи «возврата к истокам» обусловлено тем, что прошлое — идеальный фундамент для возведения национально-патриотических конструкций. Рассуждения об исторических вариациях, опирающиеся прежде всего на теорию этногенеза Л.Н.Гумилева, придают этим конструкциям «научный» вид. История Казахстана преподносится как история казахов, заданная природной средой, в которой они проживали. Экономический базис казахского общества, сформировавшегося в этой среде, — кочевое скотоводство, в свою очередь определившее материальную и духовную культуру казахов, их нравы и обычаи.

Таким образом, суть казаха — кочевник, номад. Паралогизм «если казахи — это кочевники, номады, то кочевники, номады — это казахи» служит обоснованием экскурсов в далекое прошлое и «оказывания» встретившихся «по дороге» кочевых культур (особенно если их следы были обнаружены на территории РК). Одновременно происходит и расширение границ обитания казахских племен. «...Больше половины земли от Алтая до Тона (Дона), на которых исконно жили и кочевали казахи, создавали свои государства и ханства, осталось под властью России», — утверждает, например, в учебном пособии А.Сейдимбека³. В подавляющем большинстве случаев территориальные притязания базируются на фиксации случайных созвучий названий: «...Город Тула назван в честь матери хана Жанибека Туллы. Волга (Едил) — исконно казахская река... Астрахань (Хажы Тархан), Саратов (Сарытау), Челябинск (Селебе), Курган (Корган), Тюмень (Томен), Барнаул (Баранаул), Усть-Кут (Устікут), Ачинск (Ащылы), Байкал (Байкол), Ангара (Ангар)»⁴.

На номадизме в значительной мере держится и конструкция «исторической политики», неразрывно связанная с мифотворчеством⁵. Во всех бедах казахов (как прошлых, так и настоящих) обвиняется российский колониальный или советский тоталитарный режим. Весьма показателен в этом отношении, в частности, следующий пассаж из уже упоминавшегося учебного пособия Сейдимбека: «...Казахская государственность в 1822 г. была насильственно ликвидирована, точнее говоря, уничтожена. С этого момента самые одаренные сыновья и дочери казахского народа перестали умирать естественной смертью. Их безжалостно и регулярно уничтожали: свирепствовал государственный этноцид... На протяжении всей истории самое тяжелое, самое страшное преступление было совершено в двадцатом веке в государстве-империи, называемом СССР. Оно не сравнится даже с двумя кровопролитными войнами при жизни одного поколения»⁶.

С течением времени, однако, полюбившиеся национал-популистам исторические сюжеты теряют актуальность. Вариации на тему «великого прошлого» почти исчерпаны и вызывают иронические коммен-

³ Сейдимбек [Sejdimbek] 2001: 553.

⁴ Там же: 553.

⁵ Подробнее см. Ремнев [Remnev] 2011.

⁶ Сейдимбек [Sejdimbek] 2001: 554—555.

⁷ См., напр.: «Благодаря стараниям отечественных ключевых, любой казахстанский школьник может смело утверждать, что Аттила был казахом, а Рим основали выходцы из Младшего жуза» (Кубайжанов [Kubajzhanov] 2012a). Сам за себя говорит и заголовок статьи известного казахоязычного деятеля РК Г. Бергера — «Король Артур, Наполеон и другие казахи» (Бергер [Berger] 2012).

⁸ Данияров [Danijarov] 2000a: 7.

⁹ Сейдимбек [Sejjimbek] 2001: 565.

¹⁰ См., напр. Масанов, Абылхожин, Ерофеева [Masanov, Abylkhozhin, Erofeeva] 2007.

¹¹ Назарбаев [Nazarbaev] 2012a.

¹² Назарбаев [Nazarbaev] 2013.

тарии⁷. Новоявленные историки начинают ходить по кругу, все больше и больше повторяясь. Правда, в общественный дискурс вбрасываются и «новые факты» преступлений России/СССР, но какое-либо документальное подтверждение этих «фактов» часто отсутствует. Причина объясняется так: «Считаю не только нецелесообразным, но и оскорбительным для казахского народа приводить документы по технологии осуществления этой колонизаторской политики...»⁸.

Построения национал-популистов все заметнее расходятся с декларируемым руководством РК видением будущего, стержнем которого является ускоренная социально-экономическая модернизация. Как следует понимать призывы «вернуться к истокам», «отказаться от колониального, тоталитарного прошлого», никто толком не знает. Где истоки? Куда возвращаться в случае забвения двухсотлетнего исторического периода? Императив «героизации прошлого» почти не оставляет шансов на индустриально-инновационное развитие. Мало кого из современных казахов прельщает вариант, предлагаемый Сейдимбеком: «...Обычай кочевой жизни — это не достоинство казахского народа и не его порок. Кочевой образ жизни казахского народа — установившаяся необходимость существования в данной экосистеме... Для того чтобы улучшить жизнь людей, поднять уровень их благосостояния, нужно в первую очередь подчинить животноводство ритму кочевого образа жизни, что может сохранить биологическое здоровье народа»⁹.

По мере отдаления от даты приобретения суверенитета обвинения в бедах казахов «внешних врагов» (чаще всего России/СССР) теряют свою убедительность. Более того, данный сюжет явно выпадает из логики российско-казахстанских отношений последних лет.

Состояние исторической науки Казахстана вызывает озабоченность уже не только у профессиональных историков¹⁰, но и у властных структур. С тревогой констатируя, что «такая важная составляющая учебно-воспитательного процесса, как исторические знания, абсолютно не настроена на решение задач становления личности, гражданина и патриота», Назарбаев поручил Министерству образования и науки РК «осуществить меры по изменению содержания и формата преподавания истории Казахстана в учебных заведениях»¹¹. Историческая наука, подчеркнул он в своем выступлении на XX сессии Ассамблеи народа Казахстана, должна формировать «...общенациональное историческое сознание. Наше восприятие истории должно быть цельным, позитивным и объединять общество, а не разделять»¹².

В государственной стратегии Казахстана в последние годы уделяется все большее внимание городам и повышению в них доли казахского населения. Представители национал-популистского направления оказались не готовы к подобной смене исторического вектора. Упорным трудом ими был создан образ казаха — номада, мужественного воина, но никак не городского жителя, мещанина, фабричного рабочего и т.п. «Городской типаж» категорически не вписывается в концепцию «героического прошлого». Более того, «историческая политика»

заставляет воспринимать города, особенно северо-востока, как символ российского колониализма: «Колонизация Северного Казахстана вступила в завершающую фазу после строительства Акмолинска, Атбасара, Петропавловска, Кокчетав, Щучинска, Костаная, Тургая, Каркаралинска». Или: «Россия начала продвигаться вглубь Казахского ханства... строя военные укрепления, которые в дальнейшем превратились в города Уральск, Костанай, Актюбинск, Акмолинск, Кокчетав, Петропавловск, Павлодар, Семипалатинск, Усть-Каменогорск... На базе Малой и Большой станиц был построен город Верный (ныне Алматы), с которого началось освоение территорий южнее и западнее его»¹³.

¹³ Данияров [Danijarov] 2000б: 5, 8.

¹⁴ См., напр.: «Традиционно считается, что мы номадическая культура, но теперь наши историки пишут, что казахи создали города, изобрели колесо и паровой двигатель... и все активно в это верят!» (Ашимбаев [Ashimbaev] 2012б).

Национал-популисты в исторической науке максимально затруднили становление актуального направления «казахи в городе». Неясно, на какой базе оно будет строиться, так как почва для него фактически выжжена «певцами номадизма». Номадический дискурс, героизация антиколониальной борьбы оставили немного шансов на историческое обоснование автохтонизации городского пространства. Создание «великого прошлого» шло по сценарию, отрицавшему городской образ жизни. На сложившемся номадическом фоне попытки отдельных историков привязать казахов к оседло-земледельческой и городской культуре выглядят искусственными и подвергаются язвительной критике¹⁴.

Топонимика

На первый взгляд топонимические преобразования кажутся наиболее простым и эффективным способом «этнической перезагрузки» городского пространства. Проблема, однако, в том, что города северо-востока Казахстана все еще русскоязычны и гражданская позиция их жителей активнее всего проявляется именно в защите топонимически оформленного досуверенного прошлого. В топонимической специфике находят отражение как ментальные установки, так и этнически обусловленные исторические предпочтения: «...По ономастике страшно страна отличается. На юге и западе, где области казахские по демографическому составу, вплоть до Актобе улицы носят названия ханов, батыров, биев. Но как только мы переехали из Актюбинской в Костанайскую область — первый город на пути Рудный. И началось — Ленина, Горького, 40 лет Октября, Пролетарская, Большевик, Красногвардейская, Краснознаменная, Краснопресненская. Весь север такой — Костанай, Петропавловск, Усть-Каменогорск. Ничего не поменялось в этом смысле за 20 лет!»¹⁵

¹⁵ Тайжан [Tajzhan] 2012.

Неоправданно быстрые топонимические изменения способны дестабилизировать межэтническую ситуацию, так как переносят проблему на бытовой уровень, пробуждая к действию ранее пассивные слои общества. Понятно, что власть не заинтересована в подобном развитии событий. Осуществление дозированных топонимических преобразований пока позволяет удерживать от решительных выступлений как русскоязычное, так и автохтонное население. В то же время растущая урбанизация в сочетании с эмиграцией быстро меняет этнический состав

городов. Топонимические претензии становятся одним из основных компонентов самоутверждения новоиспеченных горожан на новом месте жительства.

Достижение этнической однородности порождает проблему иного свойства. По признанию министра культуры и информации РК Д.Мынбая, «в последние годы на местах различным социальным объектам стали присваивать имена неизвестных личностей»¹⁶. «Наверное, есть резон в том, что улицы города освободились от имен „пламенных революционеров“, от памятников им, — отмечает главный редактор республиканской газеты «Туркестан» Ш.Паттеев. — Но всегда ли на смену им приходят достойнейшие из достойных? Увы. Сплошь и рядом, особенно в маленьких городах и аулах, предпочитают отдавать почести не действительно заслуженным людям, а своим родственникам»¹⁷.

Топонимические преобразования определяются и неизбежно будут определяться этнической логикой. Тем не менее переименования требуют хоть каких-то обоснований. Северо-восток Казахстана — один из наиболее сложных случаев для поиска таких обоснований. Прежде всего потому, что там практически полностью отсутствует возможность использования исторических вариантов.

Немаловажное значение здесь имеет особое отношение к истории, сложившееся в суверенном Казахстане. Как заметил казахстанский историк Р.Темиргалиев, «ментальность казахов диктует свои условия. Будь ты белым или красным, коммунистом или либералом, в первую очередь ты — казах. Для нас равнозначно великими могут оказаться абсолютно противоположные личности. Шероховатости взаимоотношений забываются, разногласия стираются, а архивы не исследуются. Достаточно принадлежности к казахам, и ты получаешь свое место в истории»¹⁸. «Новое историческое мышление» постепенно начинает определять и внешний облик городов. «У нас складывается очень странная ситуация, — констатирует Паттеев, — если памятник не этническому казаху... то его снос будет поддержан населением. А если памятник революционеру, но казаху — его оставляют»¹⁹.

Нельзя забывать и о таком факторе, как «историческая справедливость», значимость которого особенно возрастает при нехватке логической аргументации. Так, в мае 2012 г. группа казахстанских деятелей культуры обратилась к президенту и парламенту с посланием, где, в частности, ставился вопрос: «Почему применяются названия населенных пунктов, которые являются мрачным наследием эпохи советского тоталитаризма и напоминанием периода колонизации нашего государства: Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск, Фурманово, Голощекино, Ленина и многие другие? Когда будет восстановлена историческая справедливость?»²⁰. Дополнительную убедительность апелляциям к «исторической справедливости» придает зачастую присущая им эмоциональная составляющая: «Мы хотим видеть Усть-Каменогорск казахстанским городом. Мы хотим видеть сегодня в обществе атрибуты казахстанской истории и культуры. Не лишайте нас такой возможности.

¹⁶ Басарова
[Basarova] 2012.

¹⁷ Цит. по:
Кириницаев
[Kirinicijanov]
2012a.

¹⁸ Цит. по:
Кубайжанов
[Kubajzhanov]
2012a.

¹⁹ Цит. по:
Бахтигареев
[Bakhtigareev]
2012a.

²⁰ Фоминых
[Fominykh] 2012.

²¹ *Что в имени*
[*Chto v imeni*] 2008.

Избавьте нас от позора, когда переименования улиц вызывают такой ажиотаж...»²¹

²² *Басарова*
[*Basarova*] 2012.

Поскольку подобного рода призывы встречаются все большее сочувствие со стороны горожан, инициативу в вопросах топонимических изменений власть передает населению. Не случайно, представляя законопроект «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты РК по вопросам ономастики», министр культуры и информации РК Мынбай подчеркнул, что «население сможет участвовать в процессе переименования городов, населенных пунктов, улиц, площадей, скверов, социальных объектов»²².

²³ *Кириллук*
[*Kiriljuk*] 2013.

Таким образом, топонимические изменения официально признаются теперь следствием этнодемографических сдвигов. По оценке русскоязычных СМИ, судьба большинства русских названий улиц и населенных пунктов predetermined: «...В Казахстане идет активный процесс дерусификации в топонимике. Ведь всерьез говорят о переименовании городов только с русскими названиями... То, что чиновники будут продолжать политику переименований, очевидно»²³.

²⁴ *Карчевская*
[*Karчевskaja*]
2013.

В случае постепенного развития процесс переименований не должен вызвать серьезного недовольства населения. Мнение нетитульного меньшинства уже не так весомо. У постоянно же возрастающего числа «новых горожан» прежние «исторические» названия не вызывают особых эмоций. Как замечает историк Алматы Н.Букетова, «в последние годы, после развала Союза, в крупные города приехали люди из регионов. Им, родившимся в других местах, история того же Верного (старое название Алматы — А.А.) совсем не интересна»²⁴. Более того, благодаря переименованиям вчерашний сельский житель окажется в относительно привычной для него топонимической среде, что облегчит ему адаптацию к «своему» городу.

«Этнопсихологические стереотипы феодальных времен» и городское пространство

²⁵ *Сейдимбек*
[*Sejdimbek*] 2001:
572—573.

Традиции, обычаи, казахский язык образуют сердцевину идеи национального возрождения. По убеждению части национал-патриотов, возрождение возможно лишь в случае отказа от чуждых казахам европейских ценностей: «...У казахского народа, недавно получившего свободу, есть смысл, имеющий большое стратегическое значение в выборе общественно-политического, духовно-культурного, религиозно-нравственного направления в своем развитии. Пока это направление больше тяготеет к западноевропейским образцам... Либерализм, конституционность, права человека, демократия, стихийность рынка, максимальное невмешательство государства, свобода совести, примат индивидуализма, ставшие знаменем западной цивилизации, малопонятны и неприемлемы для тех, кто получил мусульманское, конфуцианское, синтоистское, буддистское воспитание, ибо чем больше западная цивилизация утверждается в мире, тем сильнее закабальет человека. Если жизнь на Западе регулируется правом, законами, то на Востоке жизнь регулируется обычаями, традициями...»²⁵ Еще более конкретно

высказывается заслуженный работник дипломатической службы РК С.Батырша-улы: «Казахский народ, сколько бы ни заставляли его, не поддастся русификации и не подчинится культурной гегемонии Европы»²⁶.

²⁶ *Ертысбаев*
[*Ertysbaev*] 2002.

Последствия проникновения в городское пространство традиционных практик, распространенных ранее в сельской, преимущественно автохтонной среде, пока не очевидны. Диапазон возможных вариантов развития событий достаточно широк. С точки зрения журналиста А.Тужутова, европеизированное городское пространство не устоит под напором пробуждающегося традиционного сознания: «Привнесенная россиянами и основанная на европейских духовных ценностях система управления и организации общественной жизни с обретением Казахстаном государственной независимости стала отступать, уступая место другой. В ее основе — казахские этнопсихологические стереотипы феодальных времен... Процесс находится в развитии. И, надо думать, постепенно охватит весь Казахстан, включая и большие города»²⁷.

²⁷ *Тужутов*
[*Tuzhutov*] 2002б.

В свою очередь, политолог А.Гали убежден, что городское пространство адаптирует бывших сельских жителей: «...Нужно преодолеть порог в 60% казахов в городах... Чем скорее мы пересечем 60-типроцентный барьер и переселимся в города, тем выше будет социальная безопасность страны... Трайбализм в перспективе город будет поглощать, социализировать и ликвидировать, вплоть до последних остатков родоплеменных отношений»²⁸. По его мнению, урбанизация и достижение численного превосходства в городах превратят казахов «в буржуазную нацию с развитой этнической инфраструктурой... Превращение казахов в городскую буржуазную, частнособственническую зажиточную нацию есть цивилизационный сдвиг в казахской истории»²⁹.

²⁸ *Гали* [Gali] 2009.

²⁹ *Гали* [Gali] 2001.

Уровень урбанизированности казахов уже приблизился к обозначенному Гали 60-типроцентному порогу. Более того, «государствообразующие» социальные ниши почти моноэтничны. Тенденции к формированию автохтонного городского пространства приобретают все более выраженные формы. Настало время подвести некоторые итоги развития «суверенного» казахстанского города.

Известный блогер и дипломат К.Бейсебаев констатирует: «...Генеалогия пока еще является неотъемлемой частью нации... Каждый казах не только знает свою родословную до семи поколений, но и пристально отслеживает передвижение сородичей во властных структурах... Жузовое и родовое разделение казахов, загнанное на задворки в период СССР, с обретением республикой независимости только усилилось... и как бы власть ни делала вид, что этого не существует, данным феноменом пронизана титульная нация РК»³⁰. Родоплеменные, клановые отношения становятся важным ресурсом карьерного роста: «Подбор кадров на основе родственных связей и личной преданности, пренебрежение деловыми качествами выдвиженцев — давний наш порок, который ныне обрел сверхкрупные масштабы, на уровне новых мировых рекордов. Это препона формирования полноценного менталитета, быть

³⁰ *Бейсебаев*
[*Bejsebaev*] 2011.

³¹ *Испаев [Ispraev]*
1998: 76.

может, самая-самая...»³¹ Как отмечает сотрудник Института философии и политологии Р.Кадыржанов, «в кадровой политике опасен не только этнонациональный фактор, но и трайбалистский подход. Каждый крупный чиновник норовит окружить себя „своими“ людьми, желательно из своего жуза. Теми, кто ему лично предан, и теми, кому он безусловно доверяет. Казахский язык, принадлежность к одному жузу — это своеобразный код доверия. Как ни печально, деловые качества при этом отходят на второй или даже десятый план»³².

³² *Цит. по:*
Кириницаев
[Kirinicijanov]
2012a.

Подобная кадровая политика порождает серьезные проблемы в управленческом аппарате. Зам. директора Центра анализа общественных проблем К.Берентаев убежден, что «ответственным лицам... все сходит с рук, поскольку за ними... стоит определенный клан. Какой-нибудь клерк из администрации президента порой обладает большей властью и влиянием, чем весь депутатский корпус вместе взятый... Система госслужбы у нас построена по принципу клановости и личной преданности. Получается, что чиновник отвечает не за свои действия, а всего лишь несет ответственность перед тем лицом, которое поставило его на эту должность»³³. «Сейчас каждый назначенец рассматривает государственную должность как частную лавочку, приватизирует министерства, создает вокруг себя клановые сети, — сетует первый казахский космонавт Т.Аубакиров. — На самом деле это страшная вещь. Так происходило лишь в средневековье. Мы просто катастрофически опустились»³⁴.

³³ *Берентаев*
[Berentaev] 2012.

³⁴ *Аубакиров*
[Aubakirov] 2009.

Этнопсихологические стереотипы все заметнее проявляются в быту. Так, на рынках Шымкента появились наклейки на автомобильные номера с надписями «старший», «средний» и «младший» жузы, и «из нескольких сотен экземпляров, завезенных на авторынку города, через пару дней осталось всего пять штук»³⁵. В качестве вполне естественных в глазах многих «новых горожан» выступают предложения типа: «В Ассамблее народа Казахстана казахский этнос должен быть представлен на племенном уровне — адай, кипчак, аргын, дулат и т.п.» или «Футбольные команды надо формировать по родовой принадлежности. Там каталонцы, андалусийцы и баски, у нас алимы, аргыны и уйсун... Дерби Шымкента, эль-классико — Дулат против Конырат. На трибунах рев, родовые знамена, кричалки не тупые, а боевые ураны родов»³⁶.

³⁵ *Мирзаходжаева*
[Mirzakhodzhaeva]
2013.

³⁶ *Время [Vremja]*
15.03.2012.

Архаическое содержание заполняет демократические формы. И чувствует себя архаика в новых одеяниях весьма комфортно. Но постепенно традиционные практики входят во все большее противоречие с формальными нормами, нейтрализуя их смысл: «...Представьте себе район за пределами большого города, где родственные связи имеют масштабный характер. Вот и получается — одна половина родственников ЕНТ³⁷ сдает — другая за этим процессом надзирает», — замечает ректор Казахского национального медицинского университета им. С.Д.Асфендиярова А.Аканов³⁸. И «можно ли в Казахстане рассчитывать на объективность присяжных заседателей, если и сегодня при

³⁷ *Единое национальное тестирование — аналог российского ЕГЭ.*

³⁸ *Цит. по: Можарова [Mozharova]*
2013.

³⁹ Козина [Kozina]
2013.

знакомстве люди интересуются, из какого ты рода, жуза, клана?»³⁹ Симптоматично, что в разработанной Генеральной прокуратурой РК программе модернизации правовой системы признается, что коррупция в стране «перестала быть проблемой, она стала системой. Нередко она воспринимается как продукт местных традиций и культуры и, следовательно, неотвратима, этим и объясняется терпимость людей к коррупции»⁴⁰.

⁴⁰ Чернышевская
[Chernyshevskaja]
2013.

Под внешней оболочкой правового светского государства настойчиво диктуют свои условия традиционные нормы. Пока еще они воспринимаются как неформальные, однако налицо активные попытки их легитимировать: «Государственный строй и систему управления необходимо приспособлять под свои традиции, а не наоборот. Иначе мы потеряем свою народность и идентичность. Поэтому казахстанский Сенат должен быть представлен аксакалами племен и жузов, при этом все представители нетитульной нации могут быть объединены в верхней палате в качестве четвертого жуза»⁴¹.

⁴¹ Албани
[Chernyshevskaja]
2013.

А известный казахский политолог Н.Амрекулов прямо заявляет: «...Нынешние парламентские страны стали бесхозными образованиями. Выбираемые на пять лет лидеры — это временщики, куклы в руках мировой закулисы, которые запасаются богатством и вывозят его за пределы государства. Другое дело — возродить степную демократию. Идея перейти от президентской к ханской государственности повлечет восстановление всех элементов системы, иначе она не будет работать. Должны быть снизу избраны бии родов, учрежден их совет, который назначит премьера в соответствии с духом и традициями степной демократии. Хан, избираемый на 5 лет, станет номинальным главнокомандующим и будет вести внешнеполитические дела, а главные вопросы решать должны бии и батыры на курултае. Это был бы гениальный выход, альтернатива хаосу и саморазрушению грядущей революции»⁴².

⁴² Цит. по:
Таукина [Taukina]
2012.

Представители властных структур понимают опасность складывающейся ситуации. «Представьте, что каждый клан и род начнет требовать своего представительства в парламенте. Депутаты будут думать прежде всего об интересах той группы, которая „отрядила“ их в мажилис. Усилятся эмигрантские настроения. Мы обязательно испортим отношения с соседями. Страна погрузится в хаос.... — предупреждает Шайкемелев. — Для модернизации страны ею должна управлять сильная президентская рука... Сильная президентская власть — это наша гарантия от проявлений трайбализма и сепаратизма»⁴³.

⁴³ Цит. по:
Кириничьянов
[Kirinichjanov]
2012б.

Перспектива демократизации и либерализации страны на фоне возрождения традиционалистских установок вызывает опасения и у научного истеблишмента: «Главный урок из прошлого в том, что в восточных обществах политическая либерализация по западному образцу может привести к краху... Возьмем в качестве примера ситуацию с выборами акимов. Предполагается, что свободно выбранные акимы — это шаг к дальнейшей демократизации общества. Вовсе нет. В условиях восточного общества свободно выбранный аким неизбежно станет местным

„ханом“, который просто воспользуется демократической процедурой для того, чтобы взять власть в свои руки и, возможно, навсегда... В результате мы станем свидетелями столкновений региональных „ханов“ с центром, что напрямую будет угрожать целостности государства»⁴⁴.

⁴⁴ Акимбеков и др.
[Akimbekov i dr.]
2004.

Одним из следствий «возвращения к истокам» становится обострение отношений внутри самого казахского этноса: «Усилилось не только межэтническое разделение. Проявляются случаи явного антагонизма представителей одних родов к другим. Такой подход проник во все сферы, включая спорт. Обсуждение особенностей своего происхождения и его преимуществ над другими прочно вошло в темы различных мероприятий и застолий. Автор был свидетелем, когда во время избирательной кампании в парламент в 2004 г. один из кандидатов в президенты в частной беседе признался, что его главная задача заключается в недопущении аргынов к власти»⁴⁵.

⁴⁵ Бейсебаев
[Bejsebaev] 2012.

О важности проблемы свидетельствует то, что ее обозначил президент страны: «Как Лидера нации меня беспокоит, что появились силы, которые хотят разрушить внутриказахстанское единство. Те, кто идет на поводу этого осознанно или неосознанно, тот начинает делиться по разным признакам, прежде всего по шежире»⁴⁶. Нельзя забывать глубинную суть самой традиции шежире, она не заканчивается на одном роде, племени. Шежире — это Древо поколений, которое сводится к единому корню. Шежире показывает и доказывает, что корни наши едины, что все мы казахи — едины. Шежире не раскалывает нас, а объединяет»⁴⁷.

⁴⁶ Шежире —
генеалогическая
история казахов,
основанная
на родоплеменной
организации коче-
вого общества.

⁴⁷ Назарбаев
[Nazarbaev] 2012b.

Рост значения обычаев и традиций, бывших в тени в советский период, — во многом объективное явление. Распад СССР и разрушение действовавших в нем социальных норм, утрата доверия к государственным структурам потребовали поиска новых точек опоры. Наиболее логичным в условиях «смутного времени» был возврат к традиционным ценностям. Опора на большую семью, род, клан стала важнейшим условием выживания. Благодаря лозунгу возвращения к истокам традиционные ценности приобрели неформальную легитимность, постепенно утверждаясь в качестве чуть ли не стержня общественных отношений. Как считает поэт О. Сулейменов, такой поворот событий характерен не только для Казахстана: «...Общей бедой всех деколонизированных народов является неразвитость национального самосознания. Оно еще не успевает выработаться и часто в политике подменяется родоплеменным, не объединяющим народ. При этой форме сознания понятия „свобода“, „независимость“, „демократия“ превращаются в свою противоположность. Что мы и видим в новейшей истории деколонизированных стран»⁴⁸.

⁴⁸ Сулейменов
[Sulejmenov] 2010.

Важнейшую роль в подобной трансформации играет городское пространство. Именно в городах традиционная схема реанимируется наиболее активно, в первую очередь в верхних социальных стратах. Возрождение актуально и потому, что выстраивание «родственной вертикали» в той или иной степени характерно для всех этносов, в том числе

для русского. Разница лишь в том, что у автохтонного населения имеется мощный, идеологически обоснованный этнополитический ресурс.

В то же время нельзя сказать, что традиции определяют повседневное бытие городских казахов. Чаще всего о них вспоминают лишь в случае социально-экономических пертурбаций, весьма редких в жизни человека. Город довольно быстро разрушает общинную психологию. Горожане во втором поколении нередко воспринимают родоплеменные связи как обузу и, как правило, не испытывают большого желания выступать в роли «патрона» при внедрении в городскую среду сельских родственников.

По мнению представителей национальной интеллигенции, город изменил казахов не в лучшую сторону. «К сожалению, современное общество растеряло былые традиции... Если загляните в детские дома, вы сильно удивитесь, узнав о том, что большая часть детей — казахи...» — сетует президент благотворительного фонда «Милосердие» А.Саин⁴⁹. Ее озабоченность разделяет директор Дома престарелых в г.Актобе А.Наурызгалиев: «Что сейчас творится?.. В 70—80-х годах в интернате не было ни одного казаха! А сейчас — 60%. Дети не чтят своих родителей и традиции. А некоторые приходят только для того, чтобы забрать пенсию стариков»⁵⁰.

Городское пространство выхолащивает из традиций их суть. Можно предположить, что возрождаются отнюдь не народные традиции — реанимируется социальный конструкт, приобретший актуальность в период массовой урбанизации автохтонов. Патриархальные родоплеменные установки используются в качестве ресурса карьерного роста, успешной экономической, политической деятельности.

Так или иначе, стремительная урбанизация неизбежно привела к переносу в города традиционных практик, распространенных ранее в сельской местности. Эти практики постепенно инсталлируются в новую реальность, становясь все более важным инструментом формирования городского пространства Казахстана.

Эволюция социальной структуры

Два суверенных десятилетия внесли серьезные коррективы в структуру занятости. В немалой степени это связано с изменением этнического состава населения. Численность занятых за 1989—2009 гг. сократилась на 14,7%. Произошло это в основном за счет русских (уменьшение на 45,1%). Численность же занятого казахского населения увеличилась на 46,2%⁵¹. Подобный скачок во многом обусловлен вступлением в трудоспособный возраст поколения 1980-х годов рождения — представителей вторичной демографической волны, вызванной демографическим взрывом 60-х годов XX в. Немалое влияние на рост трудоспособного казахского населения оказывает и этническая иммиграция.

Но экономика страны не особенно нуждается в дополнительных трудовых ресурсах. Ведущую роль в ней играет добывающая промышленность, обеспечивающая в настоящее время 74% ВВП. «В товарной

⁴⁹ Цит. по: *Нагмет [Nagmet] 2012.*

⁵⁰ *Старость [Starost'] 2012.*

⁵¹ *Рассчитано по: Итоги [Itogi] 1992: 3; Занятость [Zanjatost'] 2010: 147—148.*

структуре экспорта с 2005 г. доля минеральных ресурсов держится на отметке 77—80%. Казахстан импортирует 92% одежды и более 60% продовольствия»⁵². В наиболее сложном положении находится село, страдающее от отсутствия работы: «Сейчас сельская молодежь ищет место, куда приткнуться, это служба в армии, после нее они мечтают попасть в полицию, в КНБ, без военного билета они туда не попадут... Раньше взятки давали за то, чтобы не служить, а теперь — за то, чтобы пойти в армию»⁵³.

⁵² Козина [Kozina] 2012.

⁵³ Руденко [Rudenko] 2012б.

⁵⁴ Садыкова [Sadykova] 2012.

⁵⁵ Без работы [Bez raboty] 2012.

Согласно официальной статистике, уровень безработицы в РК лишь немного превышает 5%. Однако независимые эксперты оценивают его в 25⁵⁴ или даже 40%⁵⁵. Подобный разрыв в оценках объясняется тем, что государственная статистика не относит к категории безработных так называемых «самозанятых» (их численность составляет порядка 2,5 млн. человек), существующих главным образом за счет личного подсобного хозяйства.

Как бы то ни было, основная масса бедных сосредоточена в сельской местности. Не видя там для себя каких-либо перспектив, селяне стремятся в города. По сведениям Центра социальных и политических исследований «Стратегия», доля готовых сменить место жительства внутри Казахстана приближается к 47%. Целью внутренних мигрантов являются в первую очередь Астана, Алматы, областные центры⁵⁶. Как отмечает директор Центра анализа общественных проблем М.Махмутова, «несмотря на то, что жители больших городов не слишком довольны постоянным притоком сограждан из аулов, остановить этот процесс на данный момент нереально, так как само положение сельских жителей вынуждает их стремиться туда, где есть шанс найти работу и хоть чего-то в жизни добиться». И «большинство мигрантов не собираются возвращаться в родные села и малонаселенные города»⁵⁷.

⁵⁶ Руденко [Rudenko] 2012а.

⁵⁷ Цит. по: Чертан [Chertan] 2013.

Структура занятости казахского населения претерпела значительные изменения. Если в конце 80-х годов XX в. казахи трудились в основном в сельском хозяйстве (35,3% занятых) и промышленности (13,0%), то в 2009 г. в сельском хозяйстве было занято лишь 18,4% казахов, в промышленности — 9,6%⁵⁸. На ведущие позиции выходят образование и здравоохранение, торговля, государственное управление. По состоянию на 2009 г. структура занятости казахского населения в городах выглядела следующим образом: образование и здравоохранение — 17,5%; торговля — 14,5%; промышленность — 12,4%; государственное управление — 11,4%⁵⁹.

⁵⁸ Итоги [Itogi] 1992: 3; Занятость [Zanjatost'] 2010: 145—146.

⁵⁹ Там же: 147—148.

С учетом программ ускоренной модернизации и индустриально-инновационного развития подобная структура занятости вызывает немало вопросов. Стране, вопреки усилиям властей, призывающих граждан получать техническое образование, остро не хватает инженерно-технических кадров, работников среднего технического звена. По мнению экспертов, ситуация с кадрами катастрофическая. Уже сегодня одной из главных проблем при реализации любого индустриально-инновационного проекта становится дефицит профессиональ-

ной рабочей силы. Бреши возникли на всех уровнях, начиная со слесарей и токарей и заканчивая высшим менеджментом: «К 2025 г. Казахстан рискует остаться без квалифицированных инженеров и рабочих — техническая интеллигенция вымрет как класс»⁶⁰.

⁶⁰ Кубайжанов
[Kubajzhanov]
2012б.

Причину такого положения вещей эксперты видят в эмиграции: «По сути, индустриальной революции в Казахстане не было. Вернее, она была, но только в городах и промышленных центрах. Ее осуществили европейские переселенцы, их дети и потомки. Коренное население было охвачено ею лишь частично. Но социалистическое общественное устройство приучило казахское общество пользоваться ее благами. Теперь же некоренное население покидает республику, а власть имущие продолжают исходить из того, что уровень развития, достигнутый за годы советской власти, — это неотъемлемое при любых этнодемографических изменениях достижение Казахстана... За 90-е годы Казахстан, по сути дела, лишился цвета квалифицированных кадров индустриального труда...»⁶¹

⁶¹ Тужутов
[Tuzhurov] 2002а.

Усиление эмиграционных волн вслед за каждой национал-патриотической акцией (давление на русский язык, призывы переименовать города, сохранившие русские названия, и т.п.) обнажает пороки этнически дифференцированной структуры занятости. Не случайно подобного рода акции вызывают тревогу у трезвомыслящих казахских политиков: «Я бы хотел спросить у этих национал-патриотов: кто-нибудь из ваших детей работает в шахтах? Больше чем уверен, что нет. 90 процентов работающих там — русскоговорящие люди... Важно не будировать такие вопросы, которые заставляют людей паковать вещи и уезжать!»⁶²

⁶² Цит. по:
Бахтигареев
[Bakhtigareev]
2012б.

С точки зрения президента Центра социальных и политических исследований «Стратегия» Г.Илеуовой, сложившаяся ситуация отчасти определяется менталитетом казахов: «Ничего нового в непопулярности технических специальностей нет. Еще во времена СССР казахи особо не жаловали техническое направление. Так что это своего рода преемственность, плохая, но преемственность. Если раньше проблема нивелировалась „пришлыми“ кадрами, то сейчас пробел обозначился». По мнению Илеуовой, все дело здесь в ориентации на «быстрый дивиденд», который инженер получить не может, тогда как гуманитарное образование создает возможности для „оседания“ в чиновничьем аппарате или, на худой конец, в крупной юридической конторе или банке»⁶³. Обоснованность подобного предположения подтверждает, в частности, необычайно высокий конкурс на факультеты госуправления, превысивший в 2012 г. 300 человек на место⁶⁴.

⁶³ Цит. по:
Кубайжанов
[Kubajzhanov]
2012б.

⁶⁴ Михайлова
[Mikhajlova] 2013.

Система высшего образования РК активно использует данную тенденцию. В результате рынок образования и рынок рабочей силы слабо соприкасаются. Как отмечает министр образования РК Б.Жумагулов, «наши вузы ориентируются исключительно на спрос населения и готовят в основном специалистов так называемых „престижных“ профессий — юристов, экономистов... И забывают главного потребителя —

⁶⁵ Жумагулов
[Zhumagulov] 2013.

⁶⁶ Абдыкаримова
[Abdykarimova]
2013.

⁶⁷ Шибуттов
[Shibutov] 2013.

⁶⁸ Бейсебаев
[Bejsebaev] 2012.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ «Ага» —
старший в роду.
В данном случае
имеются в виду
чиновники, про-
двигающие по слу-
жебной лестнице
сородичей.

⁷² Кириницкаянов
[Kirinicjanov]
2012a.

рынок труда»⁶⁵. Нехватка технических кадров все больше компенсируется за счет приглашения специалистов из России, Украины, Белоруссии и других стран⁶⁶.

Социальная структура городского населения РК приобретает выраженную этническую специфику. Отчетливо обозначились тенденции, действие которых будет определять ситуацию в ближайшей перспективе. Поскольку основными строителями социального пространства города выступают казахи, еще недавно проживавшие в селах, классический «западный» вариант урбанизации появится не скоро (если появится). Этническая перезагрузка городского пространства постепенно начинает сказываться на политических, экономических, социальных процессах. Формирование социальной структуры все больше зависит от этнопсихологических стереотипов, утверждающихся в городах: «...Следует не забывать о социальной активности в рамках институтов традиционного общества... это проявление функционирования так называемой большой семьи, то есть целого семейного клана, а также неформальные объединения, основанные на родоплеменных признаках. ...Социальную активность в Казахстане определяют сильные формы традиционного общества, слабые формы постиндустриального общества и очень слабые формы индустриального общества»⁶⁷. Подобная социальная организация приносит осязаемые дивиденды: «Казахи благодаря nepoтизму, национальной корпоративности оккупировали практически всю госслужбу. Уже можно сказать, что некоторые профессии являются чисто казахскими, как, например, дорожный полицейский. Форма охранников „Кузет“ стала второй национальной одеждой»⁶⁸.

Социальная пирамида довольно четко этнически дифференцирована: «...Верх пирамиды благосостояния занимают представители казахской национальности. С другой стороны... большинство „социальных аутсайдеров“ также составляют автохтоны. Именно они приезжают из сельской местности в поисках работы и пополняют городской люмпен-пролетариат»⁶⁹. В свою очередь, основная масса среднего класса принадлежит к «нетитульным»: «...В среднем неказахская часть живет лучше. Это объясняется тем, что она занята в тех сферах экономики, где нужно опираться на собственные силы, а не уповать только на протекцию»⁷⁰. Среди большинства казахов подобные сферы деятельности не пользуются особой популярностью. Их больше привлекают социальные лифты, управляемые институтом «агашек»⁷¹, способные обеспечить доставку сразу на «верхние этажи». По той же причине престижные «этажи» почти недоступны для «нетитульных». «В стране ни одного русского акима и только один министр. А русских — четверть населения. Это означает одно: у молодых людей в этой стране шансов немного»⁷². Сложившаяся ситуация вызывает обеспокоенность даже у президента страны: «Я требую, чтобы Правительство и акимы навели порядок в трудовой политике. Надо, чтобы на работу, особенно в органы местной власти, набирали лучших, вне зависимости от этнической принадлежности... Необходимо исправить однобокость,

наблюдаемую при подборе кадров в министерствах и акиматах всех уровней»⁷³.

⁷³ Назарбаев
[Nazarbaev] 2012б.

Итак, казахстанский средний класс в существенной мере представлен нетитульным населением, численность которого сокращается. Как следствие, «страна уже безвозвратно лишилась тех трудовых ресурсов и той производственной культуры, благодаря которым стало возможным появление и расширение материального базиса казахстанской, если так можно выразиться, цивилизации. А поскольку его воспроизводство теперь стало просто невозможным по причине человеческого фактора, цивилизация, из которой мы все, высоколобые и низколобые, вышли, начинает утрачиваться»⁷⁴.

⁷⁴ Сагинтаев
[Sagintaev] 2001.

По мере уменьшения численности среднего класса этнически однородные верхи и низы быстро сближаются. Социальная «подушка безопасности» становится все тоньше. Разрыв между бедными и богатыми виден невооруженным глазом: «...Расслоение общества приобрело тотальный характер. Нам мешает и межклановая борьба, о которой в советское время практически не было слышно»⁷⁵. При ослаблении инерции «тоталитарного режима» «этнопсихологические стереотипы феодальных времен» способны возобладать во всех сферах жизни. В подобных условиях перспектива демократизации неизбежно вызывает серьезные опасения: «Русскоязычная часть общества боится перемен, боится демократии, боится того, что к власти придут националисты, которые заставят их учить казахский язык. Значительная часть титульной нации тоже опасается демократии, потому что боится развития сепаратистских тенденций, угрозы территориальной целостности»⁷⁶. «В случае резкого уменьшения численности славян в Казахстане, — прогнозирует Бейсебаев, — в геометрической прогрессии будет усугубляться раздробление казахов»⁷⁷.

⁷⁵ Кириницаев
[Kirinicijanov]
2012в.

⁷⁶ Свобода слова
[Svoboda slova].
15.03.2012.

⁷⁷ Бейсебаев
[Bejsebaev] 2012.

Ускоренная трансформация этнического состава городского населения оказалась неадекватна темпам качественных преобразований. Все более понятно, что «нетитульные» занимали в городах важные социальные ниши, заполнить которые «новые горожане» пока не в состоянии. Исправление «перекосов», доставшихся от советского прошлого, привело к формированию «суверенного перекоса», который все больше определяет будущее РК.

* * *

Таким образом, в городском пространстве Казахстана происходит становление новой цивилизационной идентичности автохтонного населения. Процесс этот очень непростой, поскольку основы прежней, кочевой, цивилизации почти полностью разрушены, а самостоятельный опыт строительства городского пространства явно недостаточен. «Ясно, что при таком коренном изменении уклада, — замечает культуролог З.Наурызбаева, — нация должна искать новые формы жизни, в массе заимствуя их у других народов». В результате складывается

ситуация, когда «не только дети в смешанных семьях, но и зачастую в мононациональных вырастают чужими родной культуре. Сейчас, когда кочевой дух, духовная традиция кочевников стали чем-то абстрактным, казахи оказываются под угрозой ассимиляции из-за своей склонности к переимчивости, из-за своего интереса к чужому»⁷⁸. По мнению Наурызбаевой, тяга к заимствованиям, грозящая потерей национального «Я», является главной угрозой для казахов.

⁷⁸ Наурызбаева
[Наурызбаева]
2012.

С этой оценкой согласны и другие авторы: «Наш соотечественник заимствования возвел в ранг искусства — не только выбрать приятные и нужные лично ему культурные и духовные ценности, но и подвести под это соответствующее культурологическое и историческое обоснование. В итоге возникла совершенно космополитичная каша, где смешались северные и южные, западные и восточные, религиозные и советские обычаи, праздники и термины... А что такое традиционные ценности?.. Тенгрианские или исламские? Или советские?.. Некоторые эксперты отмечают наличие одной интересной традиции — любовь казахов к заимствованию чужеродного, чреватое окончательным размыванием национального менталитета»⁷⁹.

⁷⁹ Ашимбаев
[Ashimbaev] 2012a.

Оторвавшись от номадической основы, «традиционные ценности» пытаются пустить корни в новую, городскую почву. Процесс идет с переменным успехом. С одной стороны, город довольно быстро «растворяет» и модифицирует многие из этих ценностей. С другой — налицо активное этническое «переваривание» городского пространства, наполнение его элементами автохтонной культуры. Относительно безболезненно усваиваются визуальные элементы такого пространства — во всяком случае, второе поколение горожан воспринимает его как естественную среду обитания. Главный итог адаптационного периода — включение городского пространства в традицию. Если раньше город осмыслялся в рамках «колониально-тоталитарного» наследия, то сейчас он стал «своим».

Но имеющегося опыта заимствования хватило лишь на усвоение «поверхности» города и признание ее цивилизационным приоритетом. Об опасности подобного восприятия предупреждает Шайкемелев: «„Революция“ в Ливии началась с того, что люди в Бенгази захотели жить так, как в столичном Триполи. А еще лучше — как на Западе, но оставаясь при своем традиционном восточном менталитете. Ездить в „мерседесах“, но часами предаваться пустопорожней болтовне в кофейнях...»⁸⁰ Проникновение «вглубь» города обернется гораздо более серьезной деформацией сохранившихся традиционных ценностей. В первую очередь потому, что городское пространство заставляет по-другому мыслить: «Сами механизмы модернизации нуждаются в осмыслении и обновлении. Нам надо переходить к рациональному мышлению, оно в современной конкурентной среде наиболее выигрышно»⁸¹.

⁸⁰ Цит. по: Ки-
риничьянов
[Kirinichjanov]
2012b.

⁸¹ Там же.

Интенсивное освоение городского пространства может привести к утере основ национальной культуры, так как на индустриальном этапе материальное утрачивает способность отражать этническую специфику

⁸² Масанов и др.
[Masanov i dr.]
2001: 7.

⁸³ Сходной точки зрения придерживаются и некоторые зарубежные исследователи (см., напр. Годфри [Godfrey] 2005: 8).

вследствие общих процессов стандартизации и унификации⁸². По мнению большинства представителей местной интеллигенции, условной чертой, отступление за которую чревато потерей национального «Я», является казахская генеалогия — важная составляющая «этнопсихологических стереотипов феодальных времен»⁸³. Между тем в соответствии с логикой стратегических государственных программ городское пространство, призванное стать ключевым звеном «постиндустриального будущего», должно ориентироваться на «глобализм и космополитизм». Возможно ли сосуществование столь разных цивилизационных приоритетов? И если да, то на каком фундаменте оно будет строиться? В поисках ответов на эти и многие другие вопросы и происходит становление городского пространства современного Казахстана.

Библиография

Абдыкаримова Р. 2013. Кадры, ау! В регионах Казахстана сохраняется острый дефицит кадров // *Свобода слова*. 7.02 [Abdykarimova R. 2013. Kadry, au! V regionakh Kazakhstana sokhranjaetsja ostryyj deficit kadrov // *Svoboda slova*. 7.02].

Акимбеков С. и др. 2004. Очень простая идеология: Наш Казахстан — это страна, о которой мы почти ничего не знаем // *Казахстанская правда*. 5.10 [Akimbekov S. i dr. 2004. Ochen' prostaja ideologija: Nash Kazakhstan — ehto strana, o kotoroj my pochti nichego ne znaem // *Kazakhstanskaja pravda*. 5.10].

Албани Б. 2013. Наши предки владели тремя алфавитами! // *Свобода слова*. 7.03 [Albani B. 2013. Nashi predki vladeli tremja alfavitami! // *Svoboda slova*. 7.03].

Аубакиров Т. 2009. Я так люблю родину, что пошел в оппозицию // *Свобода слова*. 3.12 [Aubakirov T. 2009. Ja tak ljublju roдину, chto poshel v oppoziciju // *Svoboda slova*. 3.12].

Ашимбаев Д. 2012а. Национальные ценности и патриоты // *Время*. 3.03 [Ashimbaev D. 2012a. Nacional'nye cennosti i patrioty // *Vremja*. 3.03].

Ашимбаев Д. 2012б. Казахи за независимость не боролись // *Время*. 26.04 [Ashimbaev D. 2012b. Kazakhi za nezavisimost' ne borolis' // *Vremja*. 26.04].

Басарова Л. 2012. И почтальон сойдет с ума... // *Время*. 13.12 [Basarova L. 2012. I pochtal'on sojjdet s uma... // *Vremja*. 13.12].

Бахтигареев Р. 2012а. Дарига не самоубийца, чтобы петь в Москве и Санкт-Петербурге и позорить фамилию // *Время*. 5.07 [Bakhtigareev R. 2012a. Dariga ne samoubijca, chtoby pet' v Moskve i Sankt-Peterburge i pozorit' familiju // *Vremja*. 5.07].

Бахтигареев Р. 2012б. Патриотом может быть и Берик Серикович, и Виталий Степанович // *Время*. 2.08 [Bakhtigareev R. 2012b. Patriotom mozhet byt' i Berik Serikovich, i Vitalijj Stepanovich // *Vremja*. 2.08].

Без работы в РК сидит почти 40% всего населения. 2012 // *Взгляд*. 11.07 [Bez raboty v RK sidit pochti 40% vsego naselenija. 2012 // *Vzgljad*. 11.07].

Бейсебаев К. 2011. Не хотим смешиваться, а надо: Русские в Казахстане как раствор для сплочения коренного населения // *Взгляд*. 11.07 [Bejsebaev K. 2011. Ne khotim smeshivat'sja, a nado: Russkie v Kazakhstane kak rastvor dlja splochenija korenного naselenija // *Vzgljad*. 11.07].

Бергер Г. 2012. Король Артур, Наполеон и другие казахи // *Время*. 12.04 [Berger G. 2012. Korol' Artur, Napoleon i drugie kazakhi // *Vremja*. 12.04].

Берентаев К. 2012. Казахстан не Венеция, но поучиться есть чему // *Время*. 9.08 [Berentaev K. 2012. Kazakhstan ne Venecija, no pouchit'sja est' chemu // *Vremja*. 9.08].

Гали А. 2001. Казахский манифест // *Меганполис*. 12.09 [Gali A. 2001. Kazakhskij manifest // *Megapolis*. 12.09].

Гали А. 2009. Демографические процессы в Казахстане // *Деловая неделя*. 4.09 [Gali A. 2009. Demograficheskie processy v Kazakhstane // *Delovaja nedelja*. 4.09].

Годфри Л. 2005. *Казахский исход*. — М. [Godfrey L. 2005. *Kazakhskij iskhod*. — M.].

Данияров К. 2000а. *История Казахского государства, XV—XX вв. Ч. I: Казахское ханство, XV — XVIII вв.* — Алматы [Danijarov K. 2000a. *Istorija Kazakhskogo gosudarstva, KhV—KhKh vv. Ch. I: Kazakhskoe khanstvo, KhV — KhVIII vv.* — *Almaty*].

Данияров К. 2000б. *История Казахского государства, XV—XX вв. Ч. II: Казахстан — колония России, XVIII—XX вв.* — Алматы [Danijarov K. 2000b. *Istorija Kazakhskogo gosudarstva, KhV—KhKh vv. Ch. II: Kazakhstan — kolonija Rossii, KhVIII—KhKh vv.* — *Almaty*].

Ертысбаев Е. 2002. Смешные и презираемые: Мы можем стать такими // *Меганполис*. 3.10 [Ertysbaev E. 2002. Smeshnye i preziraemye: My mozhem stat' takimi // *Megapolis*. 3.10].

Жумагулов Б. 2013. Качество образования для нас главней всего // *Казахстанская правда*. 2.04 [Zhumagulov B. 2013. Kachestvo obrazovanija dlja nas glavnej vsego // *Kazakhstanskaja pravda*. 2.04].

Занятость населения в Республике Казахстан. Т. 2: Итоги переписи населения 2009 г. в Республике Казахстан. 2010. — Астана [Zanjatost' naselenija v Respublike Kazakhstan. T. 2: Itogi perepisi naselenija 2009 g. v Respublike Kazakhstan. 2010. — *Astana*].

Испаев Я. 1998. Какой у нас менталитет? // *Мысль*. № 2 [Israev Ja. 1998. Kakoj u nas mentalitet? // *Mysl'*. № 2].

Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. 1992. Т. 3. — Алма-Ата [Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g. 1992. T. 3. — *Alma-Ata*].

Карчевская Е. 2013. О чем болит душа... С каждым годом наш город теряет свой неповторимый дух и самобытность. А мы забываем свою историю // *Свобода слова*. 8.08 [Karchevskaja E. 2013. O chem bolit dusha... S kazhdym godom nash gorod terjaet svoj nepovtorimyj dukh i samobytnost'. A my zabuvaem svoju istoriju // *Svoboda slova*. 8.08].

Кирилук И. 2013. Ономастический зуд: Усть-Каменогорск предлагают переименовать в Кунаев // *Мой город*. 2.05 [Kiriljuk I. 2013. Оно-

masticheskij zud: Ust'-Kamenogorsk predlagajut pereimenovat' v Kunaev // *Mojj gorod*. 2.05].

Кириница Ю. 2012а. Великая казахстанская мечта: Можно ли преодолеть раскол страны по языковому принципу? // *АиФ Казахстан*. № 26 [Kirinicijanov Ju. 2012a. Velikaja kazakhstanskaja mečhta: Mozhno li preodolet' raskol strany po jazykovomu principu? // *AiF Kazakhstan*. № 26].

Кириница Ю. 2012б. В дни поражений и побед: Еще раз о значении Основного закона // *АиФ Казахстан*. № 36 [Kirinicijanov Ju. 2012b. V dni porazhenij i pobed: Eshhe raz o znachenii Osnovnogo zakona // *AiF Kazakhstan*. № 36].

Кириница Ю. 2012в. Истоки и уроки декабря: Чему мы радуемся, о чем печалимся и чего никогда не забудем // *АиФ Казахстан*. № 51 [Kirinicijanov Ju. 2012v. Istoki i uroki dekabrja: Chemu my raduemsja, o chem pechalimsja i čego nikogda ne zabudem // *AiF Kazakhstan*. № 51].

Кириница Ю. 2013. Улучшим мир: Реальный и виртуальный // *АиФ Казахстан*. № 16 [Kirinicijanov Ju. 2013. Uluchshim mir: Real'nyj i virtual'nyj // *AiF Kazakhstan*. № 16].

Козина В. 2012. Сколько не говори «инновация», во рту слаще не станет: Программы правительства подверглись критике экономистов // *АиФ Казахстан*. № 23 [Kozina V. 2012. Skol'ko ne govori «innovacija», vo rtu slashhe ne stanet: Programmy pravitel'stva podverglis' kritike ehkonomistov // *AiF Kazakhstan*. № 23].

Козина В. 2013. Не пойман — не вор, пойман, но не убийца: Можно ли в Казахстане рассчитывать на объективность присяжных заседателей? // *АиФ Казахстан*. № 51 [Kozina V. 2013. Ne pojjman — ne vor, pojjman, no ne ubijca: Mozhno li v Kazakhstane rasschityvat' na ob'ektivnost' prisjazhnykh zasedatelej? // *AiF Kazakhstan*. № 51].

Кубайжанов А. 2012а. На джунгар можно свалить что угодно // *Свобода слова*. 12.04 [Kubajzhanov A. 2012a. Na dzhungar mozhno svalit' čto ugodno // *Svoboda slova*. 12.04].

Кубайжанов А. 2012б. «Технический» нокаут // *Свобода слова*. 20.09 [Kubajzhanov A. 2012b. «Tehnicheskij» nokaut // *Svoboda slova*. 20.09].

Масанов Н.Э. и др. 2001. *История Казахстана: народы и культуры*. — Алматы [Masanov N.Eh. i dr. 2001. Istorija Kazakhstana: narody i kul'tury. — Almaty].

Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. 2007. *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. — Алматы [Masanov N.Eh., Abylkhodzhin Zh.B., Erofeeva I.V. 2007. Nauchnoe znanie i mifotvorčestvo v sovremennoj istoriografii Kazakhstana. — Almaty].

Мирзаходжаева З. 2013. Китайская диверсия // *Время*. 25.04 [Mirzakhodzhaeva Z. 2013. Kitajskaja diversija // *Vremja*. 25.04].

Михайлова В. 2013. Вузы сузились // *НЕДЕЛЯ-Литер*. 12.12 [Mikhajlova V. 2013. Vuzy suzilis' // *NEDELJa-Liter*. 12.12].

Можарова Н. 2013. Изменить нельзя оставить: какие результаты ЕНТ мы имеем на сегодня // *АиФ Казахстан*. № 48 [Mozharova N. 2013. Izmenit' nel'zja ostavit': kakie rezul'taty ENT my imeem na segodnja // *AiF Kazakhstan*. № 48].

Нагмет А. 2012. Наивные вопросы // *Свобода слова*. 18.10 [Nagmet A. 2012. Naivnye voprosy // *Svoboda slova*. 18.10].

Назарбаев Н. 2002. Послание президента народу Казахстана // *Казахстанская правда*. 27.11 [Nazarbaev N. 2002. Poslanie prezidenta narodu Kazakhstana // *Kazakhstanskaja pravda*. 27.11].

Назарбаев Н. 2012а. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // *Казахстанская правда*. 10.07 [Nazarbaev N. 2012a. Social'naja modernizacija Kazakhstana: Dvadcat' shagov k Obshhestvu Vseobshhego Truda // *Kazakhstanskaja pravda*. 10.07].

Назарбаев Н. 2012б. Послание президента народу Казахстана // *Казахстанская правда*. 14.12 [Nazarbaev N. 2012b. Poslanie prezidenta narodu Kazakhstana // *Kazakhstanskaja pravda*. 14.12].

Назарбаев Н. 2013. Выступление на XX сессии АНК // *Казахстанская правда*. 26.04 [Nazarbaev N. 2013. Vystuplenie na 20 sessii ANK // *Kazakhstanskaja pravda*. 26.04].

Наурызбаева З. 2012. Розенкрейцеры, даосы и казахи // *Свобода слова*. 16.08 [Nauryzbaeva Z. 2012. Rozenkrejicery, daosy i kazakhi // *Svoboda slova*. 16.08].

Ремнев А. 2011. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio*. № 1 [Remnev A. 2011. Kolonial'nost', postkolonial'nost' i «istoricheskaja politika» v sovremennom Kazakhstane // *Ab Imperio*. № 1].

Руденко А. 2012а. Узкие двери «проходного двора» // *Свобода слова*. 12.04 [Rudenko A. 2012a. Uzkie dveri «prokhodnogo dvora» // *Svoboda slova*. 12.04].

Руденко А. 2012б. В очередь, призывник, в очередь! // *Свобода слова*. 3.05 [Rudenko A. 2012b. V ochered', prizyvnik, v ochered'! // *Svoboda slova*. 3.05].

Сагинтаев Е. 2001. Демократия для казахов // *Мегаполис*. 31.01 [Sagintaev E. 2001. Demokratija dlja kazakhov // *Megapolis*. 31.01].

Садыкова М. 2012. Как официальная статистика побеждает безработицу // *Голос Республики*. 3.08 [Sadykova M. 2012. Kak oficial'naja statistika pobezhdaet bezraboticu // *Golos Respubliki*. 3.08].

Сейдимбек А. 2001. *Мир казахов: Этнокультурологическое переосмысление*. — Алматы [Sejdimbek A. 2001. *Mir kazakhov: Ehtnokul'turologicheskoe pereosmyslenie*. — Almaty].

Старость лишь близким людям в тягость. 2012 // *Время*. 5.09 [Starost' lish' blizkim ljudjam v tjagost'. 2012 // *Vremja*. 5.09].

Судейменов О. 2010. О земле, нации и «господствующих высотах» // *Свобода слова*. 11.02 [Sulejmenov O. 2010. O zemle, nacii i «gospodstvujushhikh vysotakh» // *Svoboda slova*. 11.02].

Тайжан М. 2012. Аул на грани коллапса // *Взгляд*. 5.09 [Tajzhan M. 2012. Aul na grani kollapsa // *Vzgljad*. 5.09].

Таукина Р. 2012. Монархия или степная демократия? // *Свобода слова*. 5.07 [Taukina R. 2012. Monarkhija ili stepnaja demokratija? // *Svoboda slova*. 5.07].

Тужутов А. 2002а. Здравствуй, дивный «третий мир»! // *Меганполис*. 29.08 [Tuzhutov A. 2002a. Zdravstvujj, divnyj «tretijj mir»! // *Megapolis*. 29.08].

Тужутов А. 2002б. Монолог у точки возврата: В Казахстане утверждаются феодальные общественные отношения // *Меганполис*. 9.09 [Tuzhutov A. 2002b. Monolog u tochki vozvrata: V Kazakhstane utverzhda-jutsja feodal'nye obshhestvennye otnoshenija // *Megapolis*. 9.09].

Фоминых Е. 2012. Языковая исте(о)рия: Усть-Каменогорск хотя тят переименовать // *Устинка плюс*. 10.05 [Fominykh E. 2012. Jazykovaja iste(o)rija: Ust'-Kamenogorsk khotjat pereimenovat' // *Ustinka pljus*. 10.05].

Чернышевская И. 2013. За державу обидно // *Мой город*. 14.03 [Chernyshevskaja I. 2013. Za derzhavu obidno // *Mojj gorod*. 14.03].

Чертан А. 2013. Чужие среди своих // *Класstime*. 20.02 [Chertan A. 2013. Chuzhie среди svoikh // *Klasstime*. 20.02].

Что в имени тебе моем? 2008 // *Мой город*. 17.04 [Chto v imeni tebe moem? 2008 // *Mojj gorod*. 17.04].

Шибутов М. 2013. Синдром выученной беспомощности // *Central Asia Monitor*. № 49—50 [Shibutov M. 2013. Sindrom vyuchennoj bespomoshhnosti // *Central Asia Monitor*. № 49—50].